

Каримов Артур Равилевич**Karimov Artur Ravilevich**

кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии
Казанского (Приволжского) федерального
университета

PhD, Associate Professor,
Social Philosophy Department,
Kazan (Volga region) Federal University

МОРАЛЬНЫЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯРИЗМ

MORAL AND INTELLECTUAL EXEMPLARISM

Аннотация:

В статье рассматривается теория морального экземпляризма Л. Загзебски. Моральный экземпляризм предлагается в качестве альтернативы существующим теориям морали и определяет моральные понятия эмпирически с помощью остенсивного указания на образцы морального поведения. В качестве методологического основания морального экземпляризма предлагается каузально-историческая теория Крипке – Патнэма. Обосновывается возможность расширения этой теории в область современной эпистемологии добродетелей. Согласно эпистемологии добродетелей, знание есть истинное убеждение, сформированное благодаря интеллектуальным совершенствам. Интеллектуальные совершенства можно было бы также определять через остенсивное указание на релевантные примеры. Анализируются достоинства и недостатки экземпляризма. В качестве достоинств отмечается простота данной теории. Недостатком экземпляризма является то, что для определения абстрактных понятий, таких как моральные и интеллектуальные добродетели, остенсия может использоваться лишь в качестве дополнительного подхода.

Ключевые слова:

метаэтика, эпистемология, добродетель, интеллектуальная добродетель, экземпляризм, Л. Загзебски.

Summary:

The study examines the theory of moral exemplarism by L. Zagzebski. Moral exemplarism is a new doctrine that purports to define moral concepts empirically by direct ostension to certain people who are moral exemplars. The methodological basis of exemplarism is the Kripke-Putnam theory of reference. The study proves that exemplarism can be extended into the field of virtue epistemology. According to virtue epistemology, knowledge is a true belief formed by intellectual virtues. The latter can also be determined by direct reference to relevant exemplars. The merits and demerits of exemplarism are shown. The simplicity is an advantage of this theory. The disadvantage is that in order to define such abstract notions as moral and intellectual virtues, ostension is applied as an additional approach.

Keywords:

meta-ethics, epistemology, virtue, intellectual virtue, exemplarism, L. Zagzebski.

В метаэтике существуют различные подходы к методологическому обоснованию этических концепций: через понятие эвдемония (этика добродетелей), «добрая воля» (Кант), «общее благо» (утилитаризм). Во всех этих случаях предполагается, что мы можем дать универсальное определение того, что считать моральным. Но представить такое определение очень трудно. Проблемой любой моральной теории является то, что нечто, что с точки зрения этой теории является правильным, может быть неправильным в определенной ситуации. Против деонтологической этики можно возразить, что, например, убийство, ложь, нарушение обещания в некоторой ситуации могут быть допустимы. Против утилитаризма можно возразить, что идеей максимального блага для максимального количества людей можно оправдать рабство и т. д. Есть три основных подхода к решению этой проблемы: 1) уточнять принципы; 2) отрицать принципы и отказаться от морали вообще (иммориализм); 3) отрицать принципы и обосновывать моральность поступка в каждом конкретном случае (моральный партикуляризм). В статье развивается теория экземпляризма, которая является разновидностью третьего подхода.

В современной этике экземпляризм развивает американский философ, профессор Университета штата Оклахома Линда Загзебски [1]. Экземпляризм является современной версией теории добродетелей Аристотеля, хотя сама Загзебски допускает, что мы можем говорить об образцовых поступках, а не только об образцовых личностях. Загзебски считает, что этическая теория – это не руководство к действию и ее главная цель не в том, чтобы давать указания для принятия решений, а в том, чтобы упростить, систематизировать и обосновать дотеоретические этические убеждения. Но если теория может помочь нам в практической жизни, то это будет дополнительный аргумент в ее пользу. Иными словами, цель давать практические указания по поводу того, как поступать в

конкретной ситуации, для теории морали вторична. Загзебски пишет: «Для кого нужна эта [этическая] теория? Хотим ли мы ее распространить на все общество? Или на моральных лидеров? Или существует класс людей, чей бизнес заключается в том, чтобы создавать этические теории, – моральные философы? Я предполагаю последнее. Мы создаем этические теории, во-первых, для других философов морали и, во-вторых, для студентов, изучающих этику. Но мы полагаем, что теоретические дискуссии в конце концов могут влиять на практику» [2, р. 44].

Все же этическим теориям нужно что-то, за что можно привязать их к практике, так же как конкретные указатели на карте («Москва», «Казань») позволяют привязать карту к реальной местности. Эту функцию в экземпляризме выполняют конкретные люди. Экземпляризм определяет понятие добродетели через референцию к конкретным людям, которые считаются образцом моральной добродетели. Загзебски считает достоинством своей теории, что качества, которые делают человека хорошим, определяются не априори, а эмпирически.

Исходной методологической предпосылкой экземпляризма у Загзебски является теория каузально-исторической референции Крипке – Патнэма. В начале XX в. в семантике была популярной дескриптивная теория референции, которую сформулировал Г. Фреге [3]. Вкратце дескриптивную теорию референции можно сформулировать следующим образом. Компетентные носители языка соотносят с каждым именем определенное описание. Это описание содержит множество свойств. Объект является референтом имени собственного тогда и только тогда, когда он уникальным (наилучшим) образом удовлетворяет описанию, которое ему приписывается. Объект уникально удовлетворяет описанию, если это описание истинно только для этого объекта. Например, имя «А.С. Пушкин» ассоциируется в сознании носителей языка с рядом дескрипций: «великий русский поэт XIX в.», «автор романа “Евгений Онегин”» и т. д. Совокупность этих дескрипций уникально выделяет А.С. Пушкина из множества всех людей.

С. Крипке предложил ряд аргументов против дескриптивной теории референции, среди которых главным является модальный аргумент [4]. Пусть референт имени «Аристотель» задается набором определенных дескрипций: «великий ученик Платона» (1), «учитель Александра Македонского» (2), «основоположник формальной логики» (3), ..., (n). Тогда верно следующее. Необходимо, что если Аристотель существовал, то он был (1), (2), (3), ..., (n). Но он мог существовать, не будучи (1), (2), (3), ..., (n). Ни одно из условий (1), (2), (3), ..., (n) не необходимо для существования Аристотеля. Следовательно, референт имени «Аристотель» не может задаваться набором определенных дескрипций.

В качестве альтернативы Крипке предложил каузально-историческую теорию имен собственных. Имя собственное вводится в языковое сообщество с целью обозначения некоего индивида. Оно продолжает обозначать этого индивида до тех пор, пока те, кто используют его, связаны между собой исторической причинной связью: каждый узнал это имя от кого-то другого, который, в свою очередь, узнал его от третьего, и так далее до первого человека, кто назвал индивида этим именем. Процедуру именованья данного индивида первым человеком Крипке называет «крещением». «Крещение» фиксирует референт имени. Говорящие могут сопоставлять различным именам различные дескрипции. После того как имя введено в употребление, дескрипции не играют никакой роли для фиксации референта.

Позже Х. Патнэм расширил каузально-историческую теорию и на область терминов естественных видов («кот», «вода», «тигр») [5]. Например, только в XVIII в. открыли, что вода есть H₂O, но это не значит, что до этого термином «вода» обозначали что-то иное, кроме воды. Т. е. для компетентного носителя языка вовсе не обязательно знать правильную дескрипцию термина естественного вида (эти дескрипции постоянно эволюционируют), чтобы обозначать термином его референт. Достаточно цепочки отсылок с остенсивным указанием: водой называют вот это (указывая на море или дождь).

Данная теория была революционной в семантике, так как означала, что компетентные носители языка могут успешно использовать термины без того, чтобы обладать их дескрипцией. Загзебски предлагает, что основные моральные понятия могут также определяться остенсивно через отсылку к конкретным образцам морального совершенства. Например, хороший человек – это человек, похожий на *этого*. Точно так же, как вода есть вещество, похожее на *это*. Таким образом, можно зафиксировать референты моральных понятий без использования определенных дескрипций. Для обычных людей при совершении моральных поступков вовсе не обязательно знать, что есть благо или какова природа морали. Им даже не надо знать, что делает хорошего человека хорошим. Точно так же, как обычному человеку не надо знать молекулярную структуру воды, чтоб успешно использовать термин «вода» (и саму воду). Достаточно, если люди смогут указать на релевантные образцы для морального поведения. Таким образом, конкретные экземпляры проявления добродетели могут зафиксировать референты для понятия данной добродетели.

Как отмечает Загзебски, наши практики обучения морали фактически уже построены по такому принципу. Мы выбираем какое-то повествование, где присутствуют даже вымышленные

персонажи, и на этом примере объясняем этические понятия. Какие-то персонажи у нас вызывают восхищение (в моральном смысле), другие – отвращение (в моральном смысле), и таким образом для нас моральный дискурс всегда персонифицирован. Как пишет Загзебски, «процесс создания высокоабстрактной структуры для упрощения и оправдания наших моральных практик реализуется в одной из важнейших характеристик дотеоретических практик, которые мы хотим объяснить, а именно в практике идентификации экземпляров и в том типе опыта, которому многие из нас доверяют, – опыте восхищения, сформированном нарративами, которые являются частью общей традиции» [6, p. 52].

Одним из следствий данной теории является то, что если она верна, то можно говорить о наличии необходимых апостериорных истин в области этики, таких же, как «вода есть H₂O» в области естественной науки. Например, если мы определяем морально хорошего человека как такого, который подобен Конфуцию или Иисусу Христу, то мы тем самым жестко фиксируем референт (момент необходимости), а дальше эмпирическим путем, ознакомившись с биографией этих примеров, можем определить, что именно делает их морально хорошими (момент апостериорности).

Загзебски определяет основные понятия морального экзemplаризма следующим образом: «Добродетель есть черта, которой мы восхищаемся в заслуживающем восхищения (admirable) человеке. Это черта, которая делает такого человека парадигмально хорошим в определенном отношении.

Правильный поступок (поступок, который наиболее морально обоснован) в определенных обстоятельствах С есть такой поступок, который выбрал бы заслуживающий восхищения человек как наиболее предпочтительный при данном балансе доводов в ситуации С.

Долг (поступок, который было бы неправильно не совершить) в некотором наборе обстоятельств С есть то, что человек, заслуживающий восхищения, считал бы обязательным для себя сделать в том смысле, что, если бы он не сделал этого, он чувствовал бы свою вину за это.

Хорошее положение дел (более точно – подмножество положений дел, которые могут быть следствием человеческих поступков) есть такое положение дел, к которому стремится человек, заслуживающий восхищения.

Благая жизнь (желательная жизнь) – это жизнь, к которой стремятся люди, достойные восхищения» [7, p. 54–55].

Здесь в каждом случае понятие определяется через референцию к конкретным парадигмально морально хорошим людям.

Можно ли данную теорию распространить в область эпистемологии? В эпистемологии в последнее время также развивается аналог теории добродетелей в этики – эпистемология добродетелей [8]. Сама Загзебски является одним из видных теоретиков эпистемологии добродетелей [9], но вопрос о распространении экзemplаризма за пределы этики у нее остается открытым. Представляется все же, что у морального экзemplаризма может быть аналог в области эпистемологии, а именно интеллектуальный экзemplаризм.

Согласно эпистемологии добродетелей, знание есть истинное убеждение, сформированное благодаря интеллектуальным совершенствам, или добродетелям [10]. Так же как и в области этики, в области эпистемологии с добродетелями возникает проблема определения. Что такое «любовь к знанию»? Как этому качеству можно дать исчерпывающее определение? Что такое «открытость ума», «интеллектуальное смирение», «интеллектуальное мужество»? Экзemplаризм здесь открывает перед исследователями новые возможности.

Начнем с любви к знанию. На наш взгляд, образцовым примером этой интеллектуальной добродетели служит личность Леонардо да Винчи. Великий художник эпохи Возрождения известен тем, что его интересовало буквально все: от анатомии и физиологии человека до моделей вертолета и танка. Его интеллектуальная биография хорошо известна и вызывает восхищение всякого, кто с ней ознакомится. То, что мы называем Леонардо да Винчи образцом любви к знанию, не означает, что мы называем его интеллектуально добродетельным человеком в целом. У него могли быть недостатки. Например, ему явно не было присуще такое качество, как интеллектуальная тщательность или интеллектуальное усердие. Он разработал множество гениальных проектов, но практически ни один из них не был доведен им до конца. Таким образом, когда мы приводим Леонардо да Винчи в качестве образца интеллектуальной добродетели любви к знанию, мы можем отделить в нем это качество от его других качеств. Если бы он обладал сразу всеми интеллектуальными добродетелями, то нам было бы трудно таким способом определить какую-то конкретную добродетель. Что касается любви к знанию, в данном случае мы можем продемонстрировать, в чем именно проявлялось у него это превосходное качество, тем самым остенсивно определить его.

Конечно, мы не можем здесь совсем обойтись без какой-то дескрипции. Если бы мы просто указывали на Леонардо да Винчи, то не было бы понятно, на что именно мы указываем: рост, телосложение, мастерство художника и т. д. У нас есть какое-то предварительное определение, что мы понимаем под любовью к знанию. Например, мы определяем любовь к знанию как стремление к

получению нового знания, значимого для человечества. Но это определение лишено какой-то строгости, присущей научным определениям. Что значит «значимое знание»? Именно поэтому остенсивное указание здесь дает дополнительную возможность уточнить референт данного понятия.

Точно так же мы могли бы определить остенсивно интеллектуальное смирение, указывая на сократовское «я знаю, что ничего не знаю». Открытость ума как противоположность догматизма можно продемонстрировать на примере тех мыслителей, которые были готовы изменить свою позицию, если есть серьезные доводы против нее. Здесь можно привести в пример И. Канта, которого Д. Юм «разбудил от догматического сна». Интеллектуальную честность можно продемонстрировать на примере Д. Юма, который, придя к идее скептицизма, бросил занятие философией в полном соответствии со своими взглядами и ушел в дипломатию. Образцом интеллектуального мужества, безусловно, является Дж. Бруно и т. д.

К числу достоинств экземплиаризма могут быть отнесены эlegantность и простота. Эта теория не предполагает, что мы должны давать какие-то сложные определения этическим или эпистемологическим понятиям добродетелей. Достаточно просто остенсивного определения. Оно в этом смысле так же удобно, как GPS-навигатор, который просто показывает: «Вы здесь!». Кроме того, данная теория имеет гораздо больший дидактический потенциал, чем стандартная теория морали. Нелегко кого-то обучить морали, излагая ему содержание кантовской «Критики практического разума» и объясняя отличие условного императива от категорического. Но указание на конкретный пример имеет гораздо большую убедительную силу. То же самое касается обучения интеллектуальным добродетелям. Простые призывы вроде «Будь интеллектуально мужественным» гораздо менее действенны, чем, например, прочтение биографии Дж. Бруно.

Экземплиаризм обладает и определенными недостатками. Самым значительным является то, что сама по себе остенсия еще ничего сказать не может. Как писал Л. Витгенштейн, просто показывая на пуговицу нельзя понять, на что именно я показываю: ее цвет, форму, размер. Поэтому в лучшем случае экземплиаризм может быть дополнительным инструментом для определения интеллектуальной и моральной добродетели, но никак не самостоятельным подходом. В случае с определением воды не нужно фиксировать ее референт с помощью определения, потому что вода – это то, с чем все и так сталкиваются каждый день, и есть общая традиция использования этого термина. В случае с понятием интеллектуальной автономии или интеллектуального мужества у нас нет общей традиции. Мы, конечно, могли бы сказать, что интеллектуальная автономия – это то, что под этим понятием понимал Кант в эссе «Что такое Просвещение?». Но ведь могут быть разные интерпретации этого произведения, каждая из которых будет трактовать ее по-своему.

В целом экземплиаризм представляется интересным, перспективным и новым подходом к определению моральных и интеллектуальных добродетелей. В свете ренессанса теории добродетелей в этике и эпистемологии в конце XX – начале XXI в. такой подход может быть использован в качестве дополнительного для определения понятий о моральных и интеллектуальных совершенствах.

Ссылки:

1. Zagzebski L. Exemplarist Virtue Theory // *Metaphilosophy*. 2010. Vol. 41, no. 1–2. January. P. 41–57.
2. Ibid. P. 44.
3. Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. *Логика и логическая семантика*. М., 2000. С. 230–246.
4. Kripke S. Identity and Necessity // *Identity and Individuation* / ed. by M.K. Munitz. N. Y., 1971. P. 135–164.
5. Putnam H. *Mind, Language and Reality*. Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge (UK), 1975. 476 p.
6. Zagzebski L. Exemplarist Virtue Theory. P. 52.
7. Ibid. P. 54–55.
8. Каримов А.Р., Казакова В.А. Теория интеллектуальных добродетелей и современное образование // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 5 (1). С. 155–162; Шевченко А.А. Эпистемология и добродетели // *Сибирский философский журнал*. 2016. Т. 14, № 4. С. 82–92.
9. Zagzebski L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge (UK), 1996. 384 p.
10. Greco J. *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*. Cambridge (UK); N. Y., 2010. 216 p.

References:

- Fregge, G 2000, 'Sense and reference', *Logika i logicheskaya semantika*, Moscow, pp. 230-246, (in Russian).
- Greco, J 2010, *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*, Cambridge (UK), New York, 216 p.
- Karimov, AR & Kazakova, VA 2014, 'Theory of intellectual virtues and modern education', *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 5 (1), pp. 155-162, (in Russian).
- Kripke, S & Munitz, MK (ed.) 1971, 'Identity and Necessity', *Identity and Individuation*, New York, pp. 135–164.
- Putnam, H 1975, *Mind, Language and Reality*. *Philosophical Papers*, vol. 2, Cambridge (UK), 476 p.
- Shevchenko, AA 2016, 'Epistemology and virtues', *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*, vol. 14, no. 4, pp. 82-92, (in Russian).
- Zagzebski, L 1996, *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*, Cambridge (UK), 384 p.
- Zagzebski, L 2010, 'Exemplarist Virtue Theory', *Metaphilosophy*, vol. 41, no. 1–2, January, pp. 41–57. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.2009.01627.x>.